

Е. П. Войтенко

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

k_voitenko@mail.ru

СРАВНЕНИЯ В ХАКАССКОМ И РУССКИХ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Рассматриваются способы выражения сравнения в хакасских и русских эпических текстах в рамках традиционных мировоззрений носителей хакасской и русской лингвокультур. Каждый из структурных типов сравнений, встречающихся в анализируемых эпических текстах, является образным. Выбор денотативных областей, к которым относятся эталоны для сравнений, оказывается стандартным для многих языков, но отбор конкретных лексем этноспецифичен и определяется мировоззрением народа, его традициями и историей. Сравнения активно задействованы в создании образной системы эпических текстов и выражаются при помощи простых и сложных сравнительных синтаксических конструкций, а также «морфологических» средств.

Ключевые слова: хакасский язык, русский язык, эпические тексты, сравнение, образ, стилистические средства, лингвокультура, сравнительная конструкция, сравнительный союз, творительный падеж, сравнительные аффиксы.

Сравнению как многофункциональной категории языка и речи посвящено немало исследований. В частности, в рамках концепции лексико-грамматических и синтаксических функциональных полей это прежде всего работы М. И. Черемисиной, а также М. Ф. Палевской, Р. Мразека, А. Г. Руднева, Н. А. Широковой, А. Ф. Прияткиной и многие другие. С точки зрения фразеологического подхода проводились систематизация и теоретическое осмысление устойчивых, воспроизводимых сравнений З. А. Шугуровой, Л. И. Ройзензон, а в рамках функционально-стилистического подхода сравнение исследовалось на фоне других образных средств, часто на материале произведений тех или иных авторов (А. И. Федоров, В. И. Любушин, И. Б. Голуб и др.), как русских, так и зарубежных. Однако на материале хакасского эпоса специальные исследования по сравнениям единичны [Кыргинакова, 2009]. Между тем для любого эпоса сравнение является важным и одновременно простейшим стилистическим средством, поскольку древнейший человек восприни-

мал окружающий мир опосредованно, через знакомые ему ранее предметы и явления (животный мир, мир природы и т. п.) [Субракова, 2007]. В данной статье предлагается рассмотреть сравнение хакасского и русского эпических текстов в рамках традиционных мировоззрений носителей хакасской и русской лингвокультур.

В зависимости от подхода к изучению сравнения ему даются разные определения. Сравнение может трактоваться как конструкция, некоторая общая схема построения сложного знака, несущая в себе компаративную функцию независимо от внешнего окружения [Черемисина, 1978. С. 4]. Такие конструкции бывают синтаксическими, в которых имеется позиция показателя сравнительных отношений – сравнительный союз *как* и модальные союзы *точно*, *будто* и т. д., и «морфологическими» (термин М. И. Черемисиной), выраженными творительным сравнительным, генетивными конструкциями и др. О. С. Ахманова понимает под сравнением «понятие равенства, неравенства, большей или меньшей степени ка-

чества, находящее выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [2007. С. 449].

Для хакасского языка характерны синтаксические простые и сложные сравнительные конструкции с послелогом *чили*, *осхас*, а также «морфологические», по термину М. И. Черемисиной, конструкции со специальным формантом *-даг* (при этом показатель *-даг* может присоединяться не только к именам, например существительным, но и к глаголам: *Алтында турган хара чирі саргодань сарган турган=даг*, *ах айа-стынь алтында илгектенъ илген турган=даг* 'Внизу великая земля колыхалась, будто [как если бы] просеивали ее ручной веялкой, под белым ясным небом колыхалась, будто [как если бы] сеяли ее ситом'), степенями сравнения, продольным / сравнительным падежом и др. В образовании русских сравнений участвуют аналогичные синтаксические сравнительные конструкции с союзами *как*, *точно*, *словно* или устаревшими *аки*, *ровно* и т. п., а также «морфологические» конструкции с творительным «метафорическим» и генетивным падежами и т. п.

Сравнение как показатель определенных синтаксических отношений, различных языковых моделей мы можем вывести и на уровень культурно-исторических и мифологических представлений народов, если в этом случае под сравнением будем понимать метод художественного мышления [Табахьян, 1983], при анализе которого необходимо учитывать жанровую специфику фольклорных текстов. В связи с этим сравнение функционально будет приравняться к другим художественно-изобразительным средствам (метафорам, метонимиям, гиперболам и др.), позволяющим говорить об эпическом произведении как о самостоятельной стилевой системе любой лингвокультуры. Поэтому одна из задач нашего исследования – показать, что каждый из структурных типов сравнений, встречающихся в анализируемых эпических текстах, несет в себе функцию образности, т. е. является образным.

Выбор денотативных областей, к которым относятся эталоны для сравнений, оказывается стандартным для многих языков, но отбор конкретных лексем этноспецифичен и определяется мировоззрением народа, его традициями и историей. Для удобства

изложения материала мы отобрали по 27 лексем, часто встречающихся в хакасском и русских эпических текстах и участвующих в формировании сравнений. Хакасские единицы: *аба* 'медведь', *аргамчыы* 'веревка', *илгек* 'сито, решето', *инек* 'корова', *күн* 'солнце', *наньмыр* 'дождь', *ос* 'осина', *от* 'трава, сено', *парс* 'тигр', *пыргы* 'дудка', *саргаас* 'ручная веялка', *сеек* 'муха', *сёёк* 'кость', *суз* 'река, вода', *таг* 'гора', *талай* 'река, море', *түлгү* 'лиса', *хазынъ* 'береза', *хан* 'кровь', *хар* 'снег', *харлыгас* 'ласточка', *хус* 'птица', *казы* 'поле', *чалын* 'пламя', *чил* 'ветер', *чип* 'нитка', *чылгы* 'лошадь'. Русские: *береза*, *бык*, *гоголь*, *дубина*, *дубрава*, *жар*, *звезды*, *зверь*, *ключ*, *колесо*, *котел*, *лес*, *луч*, *маковица*, *ночь*, *орел*, *погода*, *пташечка*, *река*, *свеча*, *селезень*, *слеза*, *снег*, *соболь*, *сокол*, *тигр*, *щука*.

Естественно, эталоны для сравнений берутся из окружающей действительности. Одни из них являются знаками, заключающими в себе информацию культурного, религиозного или социального планов (например, *береза*, *пташечка*; *хазынъ* 'береза', *күн* 'солнце'); другие – символами, формирующими новое значение предмета «при создании неординарной ситуации в контексте повседневности» [Богомаз, 2008] (например, *аба* 'медведь', *чип* 'нитка'); третьи – наименованиями артефактов, т. е. предметов быта, не соответствующих по своим функциям действительности (реликтов прошлого, например, *котел*, *саргаас* 'ручная веялка', *илгек* 'сито, решето'), или маркерами – указателями на те или иные мифологические события или «части» пространственно-временной и социокультурной ориентации человека (например, *талай* 'река, море', *таг* 'гора').

Распределим все единицы – компоненты сравнений по тематическим группам:

1) биоморфизмы, или зоонимы и орнитонимы, куда мы включаем наименования животных, птиц, насекомых, рыб (хакас. *аба* 'медведь', *инек* 'корова', *парс* 'тигр', *түлгү* 'лиса', *чылгы* / *ат* 'лошадь', *сеек* 'муха', *харлыгас* 'ласточка', *хус* 'птица'; рус. *бык*, *гоголь*, *зверь*, *тигр*, *щука*, *орел*, *пташечка*, *селезень*, *соболь*, *сокол*), в том числе фитонимы (хакас. *ос* 'осина', *хазынъ* 'береза', *от* 'трава'; рус. *береза*, *дубрава*, *лес*, *маковица*), названия других натурфактов, в частности небесных светил (хакас. *күн* 'солнце', *наньмыр* 'дождь', *суз* 'вода', *талай* 'река', *таг*

‘гора’, *хар* ‘снег’, *чил* ‘ветер’; рус. *звезды, ночь, погода, река, снег*);

2) соматизмы и квазисоматизмы. (хакас. *сöк* ‘кость’, *хан* ‘кровь’; рус. *слеза*);

3) наименования артефактов. (хакас. *аргамчыы* ‘веревка’, *илгек* ‘сито’, *пыргы* ‘дудка’, *саргаас* ‘ручная веялка’, *чип* ‘нитка’; рус. *ключ, колесо, котел, свеча*);

4) лексемы, обозначающие отвлеченные понятия, физические явления, пространственные реалии. (хакас. *чалын* ‘пламя’, *казы* ‘поле’; рус. *жар, луч*).

Рассмотрим сравнительные конструкции, в составе которых используются члены этих групп.

Одними из первых среди отечественных исследователей на этноспецифику биоморфизмов обратили внимание М. И. Черемисина и ее коллеги [Гутман, Черемисина, 1972; 1976; Гутман и др., 1977]. Биоморфизмы чаще всего характеризуют в фольклорных текстах удаль богатырей, позволяют в яркой иносказательной форме донести сакральные смыслы, помогают расшифровать топонимику, а в хакасском эпосе – еще и объяснить происхождение родов, народов и всего мира. В эпических произведениях все биоморфизмы оценочны, и характер оценки зависит от общепринятых, традиционно сложившихся представлений о животных или птицах. Например, и в хакасском эпосе, и в русских былинах используются сравнения персонажей с тигром: *Ала парс*¹ *чили кюрлес турадырлар* ‘[Айна] как тигры, друг на друга зарычали’; *Больша-то сестра тигрой по лесам разыскивает любимого брата своего, середня-то сестра – дубиной по рекам, меньша-то сестра – щукой во сине море* [Калинин-царь увозит девушку]. Однако если в первом (хакасском) контексте биоморфизм в составе сравнения приобретает отрицательный коннотативный компонент в своем значении (айна², как и хищное животное, очень опасны), то русский былинный пример демонстрирует через биоморфное сравнение положительные качества, приписываемые тигру (преданность, смелость, ловкость, быстрота). Даже

¹ В. Е. Майногашева предложила такое объяснение происхождения этого зоонима: «В современном хакасском языке *ала парс* понимается как лев (тигр). Вероятно, хакас. зоологизм *парс* произошел от рус. *барс*. Ведь известно, что львы в Сибири не водились, зато в Саянских горах обитали барсы» [1967. С. 316].

² *Айна* – хакас. черт, дьявол.

из этих двух контекстов видно, что способы выражения сравнений могут быть разными: в хакасском примере – это синтаксическая конструкция со сравнительным послелогом *чили* (соответствующим русскому союзу *как*), а в русском – «морфологическая» с творительным метафорическим (или творительным сравнения).

У хакасов эталоном сравнения среди диких животных чаще всего становился медведь *аба*, почитавшийся как тотемное существо. В первую очередь учитывались мифологические представления о медведе, в соответствии с которыми ему приписывались социальные роли брата или отца, и в таких случаях «медвежий» получал в эпосе положительную оценку: *Аба чилеп, хыс чаксызы харлап, кюрлебискен* ‘Как медведь, достойнейшая дева, заревев, закричала’. Если же в основу сравнения брался не социальный, а ассоциативный (например, физический звуковой) признак подобия, то этот же образ получал отрицательную оценку: *Аба чили, айна харлас турадырлар* ‘Как медведи, айна друг на друга заревели’. В русских былинах мифологической (тотемной) соотнесенности не зафиксировано, и сравнения с компонентами-зоонимами построены на актуализации ассоциативных функциональных, результативных или внешних формальных, цветовых и других признаков, например: *И тут Василий, ровно бык, прошел* (актуализированы функциональный и результативный признаки) [Василий Казимерской]; *Его черны брови, как два соболя* (актуализированы внешние цветовой и консистенциальный признаки) [Потоп Михайлович].

Рассмотрим примеры сравнений с зоонимом *конь*, наименованием верного друга и помощника богатырей, нередко и их советника и даже спасителя. В русских былинах конь сравнивается с диким зверем (на основе динамического и результативного признаков, так как при сравнении учитываются прежде всего его ловкость, быстрота реакции, сила): *Под ним [Суханом сыном Домантьевича] добрый конь, аки лютый зверь* [Потоп Михайлович]; *Под молодцом конь, как лютый зверь, на коне молодец – как ясен сокол* [Илья Муромец и его сын Бориско]. Для хакасов же конь являлся сакральным животным, и с ним была связана определенная мифологическая символика: способности к метаморфозам, или перево-

площению, целительству и т. д. Кроме того, по шаманистским представлениям, конь не только погребальное животное, но и проводник души из одного мира в другой [Ойношев, 2006]. Возможно, поэтому имена человека и коня в тюркских языках включают одинаковый компонент *ат* [Бутанаев, Монгуш, 2005]. Однако в хакасском эпосе в сравнениях чаще участвует гипероним *чылгы*: *Хыйгылы парадыра хыс пала, чылгы чили кистебскен* 'Клич бросила девочка, словно лошадь заржала'; *Хыйгылы парадыра хыс пала, чылгы чили кистебскен, наньыра да кистеп турганда, чылгы мал прай кистезибскен* 'Клич бросила девочка, как лошадь заржала, когда пронзительно она заржала, лошадиный табун весь заржал'. Иногда в качестве компонента сравнений используется и общепринятое *ат*, но в составе другого типа сравнений – «морфологического»: *Пай хазынънынъ пазында ат пазын=даг алтын кёок* 'На вершине священной березы находится золотая кукушка (размером) с конскую голову'. В данном контексте сравнение эксплицируется особым показателем *-даг*. Приведем еще пример с этим показателем: *Инек улиин=даг хара тастынъ хырина читкен хара адай* 'До большого камня величиной с корову черная собака добежала'. Дело в том, что почти все домашние животные у хакасов считались священными оберегами людей, и, видимо, поэтому в представлениях создателей эпоса эталоном сравнения должно было стать домашнее животное крупного размера, способное защитить человека.

Птицы, наряду с животными, играют важную роль в мифологиях всех народов мира. Они могут отождествляться с божествами, тотемными предками, героями, ездовыми животными, а также выступать в качестве символов Верхнего мира, неба, божественной сущности [Ойношев, 2006]. Так, в русских былинах *птица-сокол* или *орел* связаны с описаниями божественного мира или символизируют свободу, силу и могущество, независимость былинных героев: *На коне-то он сидит, как сизой орл* [Потоп Михайлович]; *На коне молодец – как ясен сокол* [Илья Муромец и его сын Бориско]; *Под оправою однозолотою сам [Добрыня] на коне, как сокол, сидит* [Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича]; *Выезжал Алешенька Попович во чисто поле. Как малая он пташечка,*

по полю он перелетывал [Алеша Попович и Змей Тугаретин]; *Его ясны очи, как у сокола* [Потоп Михайлович]. Орнитонимы употребляются и в обращениях: *И станешь ты, серый селезень, поплавати и, ярый гоголь, поныривать* [Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича]. В космогонических мифах многих народов большую роль играют именно птицы, конкретнее – водоплавающие лебеди, гуси, утки. По мнению некоторых исследователей, даже этноним «хакасы» произошел от сочетания *ах + хас*, что означает 'белый гусь' [Киндикова, 2008]. Почитаемыми птицами у хакасов также считались сокол *нарчын*, ястреб *хартыга* и кукушка *кёок* (по поверью, ее кукование воскрешало мертвых). Сравнительные обороты с орнитонимами *хус* 'гусь', *хартыга* 'ястреб', *нарчын* 'сокол', *кёок* 'кукушка' вводятся в хакасские предложения также и послелогом *чили*: *Хус чили, ат чаксызы халыхтап* 'Как птица, достойнейший конь побежал'; *Хартыга хус чили, ат чаксызы, халлап, халыхтап, ойлап сыххан* 'Как птица-ястреб, достойнейший конь побежал, галопом поскакал'.

В целом, анализ биоморфизмов в составе сравнений двух эпических образных систем показал, что основными синтаксическими способами выражения сравнений при формировании фольклорных биоморфных образов стали синтаксические конструкции с союзами *как, аки, ровно* (в русских текстах) и с послелогом *чили* (в хакасском), реже использовались «морфологические», по термину М. И. Черемисиной, средства.

Большое количество лексем, участвующих в сравнениях, относится к наименованиям других натурфактов. С природными реалиями (например, со снегом, водными и другими ландшафтами, с небесными светилами и т. д.) обычно в былинах сравнивается внешний вид героев: *У ней [Василисы] белое лицо, ровно белый снег* [Ставер Годенович]; *Набело она [лебедушка Захарьевна] бела, как и белой снег* [Потоп Михайлович]. Если рассматривать эти сравнительные конструкции по шкале простоты-сложности (см.: [Черемисина, 1978]), то можно заметить, что здесь встречаются конструкции простые, осложненные сравнительными оборотами и выраженные существительными: *Глаза у него как ясны звезды* [Скимензверь слышал рождение богатыря]; *Тугарин темнеет на Олешу как темная ночь*

[Алеша Попович и Змей Тугаретин], а также сложные сравнительные конструкции, части которых вступают в отношения главного и придаточного предложений (так называемые фольклорные параллелизмы): *И стоит его матушка у стремена, молода Амельфа Тимофеевна, и плачет она, как река течет* [Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича]; *И сама она [красна девица] плачет, как река текот, возрыдает она, как погода бьет* [Туры]; Во руках держит [красна девица] *книжку евангеле, она чтет евангеле, как река текот* [Туры]. Причем если рассматривать отношения между сказуемыми, то можно говорить и о наличии «дейктических предикатов» (термин М. И. Черемисиной) в придаточных частях.

Аналогичные примеры встречаются в хакасском эпосе, в простых и сложных конструкциях.

- Простые предложения: *Хыс Хан талай чили таазыбысхан* ‘Хыс-Хан подобно великой реке стала подниматься’; *Төзегинде чачъазы таг чили көбп парган* ‘На полу старшая сестра его подобно горе распухла’.

- Сложные предложения: *Төзегинде чачазы тундерил парган одыр, талай чили таас парган* ‘Старшая сестра на постели сидит, как будто великая река выступила из берегов’; *Тус паратхан улуг чил чили, ыылап киледир* ‘Как будто бы дует сильный ветер, так зашумел он [достойнейший из коней]’.

Сравнение с горой или рекой не случайно: река считалась проводником в Подземный мир, поэтому часто в эпосе ее наименованию сопутствует эпитет *хара* ‘черная’, а гора связывала фольклорные Нижний, Средний и Верхний миры: *Ир сөбгi – искір таг осхас* ‘Тело мужа – подобно сообщающей горе’. Последний пример интересен и употреблением еще одного сравнительного послелога – *осхас* со значением ‘похож, подобен’. См. также: *Тигірденъ тускен хар осхас* ‘Он [младенец] подобен снегу, спустившемуся с небес’ (традиционная формула описания белолицего ребенка); *Тамагын кизібіскен хан осхас* ‘[младенец] подобен крови из горла’ (традиционная формула описания румяного ребенка через квазисоматический образ). Этот же послелог рассматривается иногда как особого рода наречие, у которого еще не завершился переход от самостоятельного слова (может принимать различные грамматические формы) к служебному (в предложении самостоятель-

но не употребляется, но имеет самостоятельное лексическое значение) [Кыржинакова, 2009].

Фитонимы в эпических текстах разнообразны и символичны. Считается, что, например, образ дерева отражает наличие ряда универсальных мифологем, распространенных по всему миру. Это мифологемы Мирового дерева, Древа жизни и Древа познания [Ойношев, 2006. С. 121]. Растущее дерево с вечнозелеными листьями есть символ жизни, процветания народа. Дерево является также своеобразным «маркером» рода, так как каждому роду соответствовало определенное дерево. Кроме того, деревья, точнее появляющаяся и исчезающая на них листва, были естественными показателями времени [Сагалаев, Октябрьская, 1990]. Так, символ русской природы – береза (*Да и не белая береза к земле клонится, и не шелковая трава в поле устиляется, еще клонится родной сын перед матерью* [Илья Муромец и его сын Бориско]) – имеет огромное значение и в хакасской мифологии, являясь, наряду с осиной и лиственницей, родословным деревом. Отсюда и образы для сравнения: *Хазынъ (осхас) чооны хабыргаларын хати тудызыбысханнар* ‘[Хан-Мирген и Белесый Волк] били друг друга по ребрам, которые были толщиной с березу’; *Ос (осхас) чооны орхаларын олыстыра тартызыбысханнар* ‘[Хан-Мирген и Белесый Волк] тянули друг друга за позвоночники, которые были толщиной с осину’. Как видно из первого контекста, кроме уже отмеченных нами ранее способов (*Из права алтаря вышла красна девица, лицом бела, щеки как две маковицы, во руках держит книжку евангеле* [Туры]; *На буйной голове кудерцы дубровушкой шумят* [Алеша Попович и Змей Тугаретин]), в былинах встретились и приемы отрицательных сравнений: *Не белая лебедка в перелет летит, красная девушка из полону бежит* [Девушка бежит из плена]; *Он [Добрыня] стрелял во голуба со голубкою. Богатырска-то стрела не путем пошла, не путем пошла, колесом (взвела, не попала во голуба со голубкою* [Добрыня и Маринка]. Такой тип сравнений не отмечен в хакасском эпосе, да и в русских былинах он довольно редок. В целом фитообразные компоненты используются преимущественно в составе придаточных сравнительных предложений, причем в русском эпосе – еще и в составе отрицательных

конструкций, а в хакасском – в конструкциях с послелогом *осхас*.

Категорию сравнения в рамках когнитивной лингвистики некоторые исследователи относят к модусным, причем средства выражения сравнения могут быть морфологическими, а точнее степенями сравнения прилагательных, которые выражают градуальность признаков: от их равенства до приблизительного равенства, неполного неравенства, полного различия и т. п. [Захарова, 2009]. Степени сравнения стали одним из средств формирования образа и для хакасского эпоса: *Хан Мирген, ирдінъ чахсызы, хазыра, нүге тартыбысхан, Ай Төнъіс, алып кізіні, алты айланьп, тастап парган* ‘Хан-Мирген, достойнейший из мужей, согнув богатыря Ай-Тенгиса, схватил, шесть раз покрутив, бросил’. Сравнительная конструкция *ирдінъ чахсызы* ‘достойнейший из мужей’ выражена сравнительной степенью, образованной при помощи аффикса принадлежности 3-го л. ед. ч. при определяемом и родительным падежом при определении. Эта конструкция выбивается из привычного понимания сравнения (наличие образа для сравнения и формального показателя для сравнения), однако, учитывая, что сравнения могут быть эксплицитными и имплицитными (в форме положительной степени прилагательного выражают градуальные признаки сравниваемых предметов и явлений [Садовская, 2008]), считаем, что такую конструкцию можно рассматривать в качестве образформирующей, поскольку ее возникновение в эпическом тексте обусловлено переоценкой качеств эпических героев, в данном случае высшей степенью идеализации одного из них. Так же можно объяснить и пример *Чачъазынынъ сырайы чабал, сыны-нүдізі андыг ниме – сагызы улам чабал* [‘Хан-Мирген думает’]: у старшей сестры страшное лицо, если у нее такое сложение, ум ее еще более страшный’. Наречие *улам* ‘еще, сильнее, больше’ содержит в себе признак сравнения.

Как уже говорилось, сравнение в русских былинах может выражаться при помощи творительного сравнительного. В хакасском языке тоже есть подобные «морфологические» сравнительные конструкции с формами продольного / сравнительного падежа (*по кому, по чему*): *Арыг сіліг хыс чахсы, от=ча обалы чогыл* ‘Прекрасная достойная дева, даже подобно травинке греха в ней

нет’; *Чип=че позы халган хыс кізі* ‘Сама дева стала как нить (исхудала)’; *Падар айданъ чачъазы соглыг=чъа чатчадыр* ‘У опустившейся луны старшая сестра подобно тлеющим углям лежит’.

Как видим, сравнения активно задействованы в создании образной системы эпических текстов и выражены при помощи простых и сложных сравнительных синтаксических конструкций, а также «морфологических» средств. Во всех случаях выбор денотативных сфер эталонов для эпических сравнений определялся актуализацией традиционных представлений о действительности, в частности традиционных верований народов (например, их мифологии, шаманизма, анимализма и т. д.). Все рассмотренные нами случаи сравнений, войдя в круг изобразительных средств эпических стилевых систем и отразив в текстах определенные типы идеализации национальных фольклорных миров, способствовали закреплению в эпосах таких мифологических, религиозных, бытовых образных представлений.

Список литературы

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Ком Книга, 2007.
- Богомаз С. М. Вещь в традиционной культуре тюркских народов Центральной Азии // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: История. 2008. № 3 (4). С. 121–126.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005.
- Гутман Е. А., Черемисина М. И. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск, 1972. Вып. 3.
- Гутман Е. А., Черемисина М. И. Образные значения зоонимов в словарях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5.
- Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Захарова Т. В. Степени сравнения прилагательных как первичные морфологические средства вербализации концепта сравнения //

Вестн. Челябинск. гос. пед. ун-та. Серия: Филология. 2009., № 3. С. 200–209.

Киндикова Н. М. Алтайцы в контексте истории (этнокультурологический аспект) // Филология и человек. 2008. № 1. С. 97–103.

Кыржинатова Э. В. Сравнительная конструкция со словом *осхас* в современном хакасском языке // Вестн. ВЭГУ. 2009. № 3 (41). С. 150–156.

Майногашева В. Е. Хакасское героическое сказание «Алтын Арыҕ»: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и филос. СО АН СССР, 1967.

Ойношев В. П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. Горно-Алтайск, 2006.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990.

Садовская Н. Д. Сравнительные конструкции с компонентом «прекрасное» в английской литературной сказке о животных // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 109–113.

Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007.

Табакьян П. В. Изобразительно-выразительные средства фольклора. Днепропетровск, 1983.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1978.

Список источников

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Хакасский героический эпос «Ай Хуучин» / Зап. и подгот. текста, примеч. и коммент. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 16).

Материал поступил в редколлегию 25.01.2015

Е. Р. Voitenko

COMPARISON IN KHAKAS AND RUSSIAN EPICS

The article analyzes the means of expression of comparison in Khakas and Russian epics within traditional worldviews of Khakas and Russian linguocultures. Each structural type of comparison found in these epics performs the function of imagery. Selection of denotative areas to which the comparison references belong turns out to be standard for many languages; however, selection of particular lexemes is ethnically specific and is defined by a nation's worldview, its traditions and history. Comparisons are actively used in the epic system of imagery and are expressed with the help of simple and complex comparative constructions, as well as morphological means.

Keywords: the Khakas language, the Russian language, epics, comparison, imagery, stylistic means, linguoculture, comparative construction, comparative conjunction, instrumental case, comparative affixes.